

Часть первая

Глава 1

Как странно ревновать к собственной сестре. И вместе с тем совершенно естественно. Наверное, это неизбежно. Разве не такому учат женщин с молодых ногтей — как побеждать соперниц? Как наблюдать, подмечать мелочи, оценивать, критиковать. Волей-неволей начинаешь упражняться на младшей сестре.

Об этом размышляла Лейла Саид, глядя, как муж вьется вокруг ее сестры. Ясмин поднесла ему зажигалку, и он с видимым удовольствием затянулся. Они сидели в уголке сада, не смущаясь уединения и подстегивая в Лейле ревность. Правда, ей казалось, что это хорошее, здоровое чувство. Оно напоминало о том, чем ее очаровал Уилл: склонностью к легкому эпатажу, черным юмором и странной, притягивающей уверенностью в себе, которая лишь изредка перерастала в самолюбование.

Нельзя было обвинить супруга в том, что он поддался чарам ее сестры. Ясмин обезоруживала всех вокруг своими мягкими кошачьими повадками. Магнетизм таился в каждом ее движении, в волнах длинных черных волос, в больших выразительных

глазах. Ее волнующие формы еще больше подчеркивала жесткость самой Лейлы: резко очерченный подбородок, тонкие, плотно сжатые губы. Было очевидно, кто из сестер служит центром притяжения, а кто блуждает по орбите.

Лейла поерзала на стуле, отлипая от зеленого пластика. Она вся вспотела от густой тропической жары, накрывшей город. Самый горячий июнь в истории. Зной и духота, такие нехарактерные для Лондона, придавали улицам буйный, пьянящий флер: многолюдные перекрестки и площади будто пропитались похотью и анархией.

Над садиком раздался залиvistый смех, и Лейла прикрыла глаза, купаясь в этом звуке. Как, оказывается, радостно снова слышать смех сестры. Хотелось запомнить каждую деталь этого вечера: жжение в глазах после долгого рабочего дня, чуть различимый аромат глицинии, шум вечеринки неподалеку (достаточно близкой, чтобы оживлять обстановку, но достаточно далекой, чтобы не раздражать слух). Почувствовав за спиной движение, Лейла обернулась. Ее зять Эндрю Андерсон тоже наблюдал за парочкой в углу, похожей на прогуливающих уроки школьников. Он сел рядом с Лейлой, держа бутылку пива двумя пальцами. Некоторое время оба молчали.

— Ей это и правда помогает, — начал он. — Визиты к вам.

— Я рада, — ответила Лейла, грустно улыбнувшись.

— Я очень ценю твою помощь, ты знаешь. Ценю все, что ты делаешь для нее. Для нас.

Она слабо махнула рукой:

— Ничего особенного.

Эндрю повернул голову и посмотрел на нее в упор:

— Ты делаешь очень много.

— Она моя сестра, — ответила Лейла, слегка пожав плечами.

— Я знаю, но все же. — Эндрю слегка качнул бутылку в ее сторону.

Лейла в ответ звякнула своим бокалом с вином о холодное стекло пивной бутылки и отпила немного. Поглядела на газон, синеющий в сумерках. Увидела, как Уилл смахнул что-то с плеча Ясмин: комара, паука или другого неведомого хищника. Бретелька сползла с плеча Ясмин, и взгляд Уилла на секунду задержался на оголенной коже. Красные точки их сигарет загорались и гасли в унисон, пока одна из них не догорела до конца. Ясмин встала и направилась к сестре.

— Уилл — просто умора! — заявила она, будто ей не верилось в его чувство юмора.

— Ага. Поэтому я за него замуж и вышла, — ответила Лейла. В интонации ее голоса сквозил то ли сарказм, то ли горькая ирония.

На мгновенье замерев, Ясмин потянулась к вину и щедрой рукой налила себе полный бокал. Одинокая капля растеклась красной кляксой по белой скатерти. Ясмин не предложила сестре наполнить

ее бокал, но это мимолетное проявление эгоизма подействовало на Лейлу успокаивающе: значит, Ясмин чувствует себя здесь в безопасности, она расслабилась и сняла доспехи. Лейла не зря старалась.

Двадцать лет назад, когда их мать ушла из жизни всего через год после отца, семнадцатилетняя Лейла разбивалась в лепешку, чтобы защитить сестричку, которой только исполнилось десять. Бросив учебу в престижном университете Сент-Эндрюс в далекой Шотландии, она поступила в Лондонский политехнический. По вечерам работала в универмаге «Маркс энд Спенсер», а по выходным — официанткой в маленькой забегаловке, считая каждый пенни, чтобы хватило для выживания. Она очень гордилась тем, что Ясмин выросла в счастливую девушку без всяких психологических проблем. Гордилась до тех пор, пока беда не постучалась в дом.

— Как у тебя тут уютно! — Ясмин сонно потянулась и махнула рукой в сторону оранжереи: — Ах, если бы только мы могли себе позволить такую же!

— Мы могли бы, если ты захочешь, — Эндрю недовольно насупился.

Ясмин урезонила супруга:

— Ты прекрасно знаешь, что нам это не по средствам.

Эндрю вспыхнул от возмущения, но промолчал. Встав со скамейки, он направился в глубину сада, к Уиллу. Двое мужчин не особо ладили,

но предпринимали самоотверженные попытки сдружиться.

Лейла исподлобья взглянула на сестру:

— Ты ведь знаешь, что всегда можешь работать у меня. Я легко найду задания для персонального ассистента.

Ясмин устало закатила глаза:

— А я тебе сто раз говорила, что не собираюсь становиться твоей секретаршей.

— Ты слишком гордая.

— Это не гордость, это... — Ясмин пожалала плечами. — Я не хочу быть тебе обязанной.

— Ты и не будешь ничем обязана. Это не благотворительность: ты будешь выполнять работу, которая хорошо оплачивается. У нас есть и обучающие курсы. При желании можно учиться и работать в том режиме, в каком тебе удобно.

— Но мне нравится моя работа, — возразила сестра.

— Я знаю, что она тебе нравится, но с восемнадцати лет ты словно застряла в секретарях и до сих пор не можешь вырваться. Тебе не хочется чего-то большего?

— Нет, — холодно ответила Ясмин. — Мне нравится мой начальник, нравятся коллеги, нравится, что я могу прийти домой пораньше и провести время с Максом. Мне не требуется высокий статус, как тебе.

Лейла обвела сад рукой с бокалом:

— Ты ведь только что сказала, что хотела бы позволить себе больше.

— Вот в этом твоя проблема, Лейла. Ты все понимаешь буквально. Мне вовсе не нужна твоя оранжерея и уж тем более не нужна твоя жизнь.

Поджав губы, Лейла замолчала. Из глубины сада раздавался смех Уилла и Эндрю, но это был напряженный смех двух случайных знакомых на деловой вечеринке.

Ясмин вздохнула.

— Прости, — сказала она с некоторым раздражением. Сестра не отреагировала, и тогда Ясмин слегка подтолкнула ее локтем. И в этот раз не дождавшись ответа, она обняла Лейлу и с замогильной серьезностью стала напевать «Отец и сын». Эта старая песенка Кэта Стивенса, в которой отец пытается учить жизни отпрыска, а взрослый сын доказывает его неправоту, была своего рода их семейным гимном.

Лейла недовольно повела плечами, но губы сами предательски расплылись в улыбке. Ясмин всегда запевала партию отца, когда сестра проявляла заносчивость.

— Хорошо, я поняла. — Лейла попыталась закрыть сестре рот ладонью, но та продолжила петь, дернув головой.

— Вот ты засранка! — рассмеялась Лейла. Она больше не могла устоять перед чарами младшей сестренки.

Ясмин резко остановилась.

— Я не засранка, — заявила она как ни в чем не бывало.

Лейла ласково улыбнулась и нежно отвела прядь волос со лба Ямин.

— Ты волшебница, — тихо произнесла она.

Они так и застыли, обнявшись. Лейла сделала в уме пометку навести справки по поводу оранжереи. В прошлом году она одолжила Эндрю некоторую сумму денег, чтобы они с сестрой смогли поселиться рядом. Наверное, удастся подкинуть ему еще немного. Если бы у Ямин было чуть больше пространства, она смогла бы снова заниматься теми вещами, которые ее так радовали, например делать грандиозные безумные коллажи из журнальных страниц «Вог» и «Вэнити фэйр». Она даже продала парочку своих произведений.

Затушив сигарету, Уилл задумчиво прошелся по садику. Эндрю, вернувшись к сестрам, красноречиво поглядел на часы.

— Мы, наверное, пойдем, — сказала Ямин. — Мне завтра рано на работу, а Макс наверняка будет капризничать. Вчера он хныкал всю ночь.

Вся четверка зашла в дом. Внутри воздух оставался таким же липким, как днем, хотя дверь в сад была раскрыта настежь. Лейла наблюдала за тем, как Ямин и Эндрю поспешно собираются. Сестра осторожно подняла спящего Макса, а ее муж торопливо собирал в сумки огромное количество игрушек и книжек, необходимое для того, чтобы занять трехлетнего малыша. Сколько раз уже Ямин картинно переживала по поводу того, что у сорванца нет двоюродной сестренки, и сколько раз

Лейла с улыбкой отвечала «не сейчас» — будто у нее был выбор.

— Спасибо за чудесный вечер! — Накинув на плечо ремень тяжелой сумки, Ясмин привычно оглядела комнату через плечо старшей сестры. Кажется, ничего не забыли. Лейла поцеловала ее в щеку, и молодые родители с ребенком на руках отправились к себе, в дом за углом. Лейла заперла дверь. После ухода гостей всегда накатывает облегчение, даже если это самые дорогие сердцу гости на свете.

— Что-то я вымотался, — заявил Уилл, упав на диванчик. Несколько пылинок заплясали вокруг него. Уилл дотянулся до супруги и усадил себе на колени. — Ты как?

— Нормально, — кивнула она.

Уилл осторожно потерся носом о ее плечо.

— Разрешешь остаться?

Лейла напряглась. Последнее время их отношения зашли в тупик.

— Давай не сегодня.

— Уверена?

— Уверена.

— Хорошо, — ответил он с неохотой, — понял.

Поцеловав ее в ямочку над ключицей, он аккуратно снял жену с коленей. Лейла молча слушала его шаги в коридоре; вот дверь открылась, вот аккуратно захлопнулась. Быстро же распалась их тесная группка. Вот в чем настоящая ценность создания собственной семьи, подумала она, никогда

не останешься в одиночестве. Лейла ощутила привычную боль в висках и опустила голову. Сколько еще ей придется врать?

Возможно, будь она с Ясмин чуть откровеннее, ей стало бы легче. Сестра знала о первом выкидыше, но Лейла не говорила ей о трех последующих. Вроде и хотелось поделиться с самым близким человеком, но Ясмин с трудом справлялась с собственной болью, и Лейле не хотелось перекладывать на ее хрупкие плечи еще и этот груз. Когда они с Уиллом в феврале расстались, скрыть это было сложно, но Лейла приукрасила действительность для сестры. «Это временно, — объяснила она. — Мы дали друг другу шанс расставить приоритеты и отдохнуть друг от друга». Иногда Уилл оставался ночевать у нее или они вместе посещали вечеринки, и вся эта суэта — шаг вперед и два назад — добавляла ощущения, что это лишь мелкий разлад в семье: девять лет брака не могут пройти безоблачно. На самом деле Лейла все хуже представляла себе, как преодолеть раскол, и время от времени мысль о том, что ей суждено состариться в одиночестве, окатывала ее волной паники.

Ясмин однажды поделилась с сестрой странным замечанием: не существует термина для родителей, потерявших ребенка, вроде «вдовца» или «сироты». Допустим, но они с Эндрю, по крайней мере, могут говорить о «тяжкой утрате». А каким словом прикрыться от боли родителю, у которого никогда и не было детей?

«Нельзя иметь все сразу», — в тысячный раз повторила Лейла сама себе. У нее прибыльный бизнес, блестящая, добытая тяжким трудом репутация, комфортный дом, сестра, за которую не жалко умереть, и муж, которого она по-прежнему любит. Этого вполне достаточно для счастья. Почти.

Утренний бриз раздувал занавеску, но несколько не облегчал духоту. Лейла осторожно промокнула салфеткой верхнюю губу, стараясь не размазать помаду. Она десять минут назад приняла душ, но пот уже предательски скопился под косточками бюстгальтера, и Лейла чувствовала себя грязной. Прогнозы предвещали очередной температурный рекорд, и Лондон бился в агонии. Конечно, были лотки с мороженым в Гайд-парке и лодочные прогулки по пруду Серпентайн, но вот, к примеру, поездка на метро напоминала вахту у мартеновской печи. Лейла предпочитала ехать в офис на машине. Их дом в Майл-Энде отделяло три мили от стеклянного здания в деловом квартале Кэнэри-Уорф.

Подхватив туфли двумя пальцами, Лейла положила их в измятый от постоянного использования пластиковый пакет. Разгладив ладонями белую блузку и серую юбку-карандаш, Лейла спустилась в кухню — ее любимое место в четырехэтажном георгианском особняке, просторном кирпичном здании с открытыми балками перекрытий, построенном в 1730 году. Лейла поспешно исполняла

утренний ритуал: стакан свежавыжатого апельсинового сока, беглый просмотр электронной почты. Мысленно она сделала пометку наконец начать пользоваться приложением для медитации и здорового сна.

Лейла управляла архитектурным бюро и гордилась своей дисциплинированностью, однако в иные дни время будто уходило в песок. Стоит моргнуть — и рабочий день прошел. Сегодня точно ожидался один из таких дней, и Лейла уже смирилась с этой мыслью. Ее партнер Роберт Гарднер собирался показать заказчикам презентацию крупнейшего проекта бюро. Грядущая сделка может вывести фирму в гранды строительного бизнеса. Лейла столько работала, и наконец ее ждет награда: финансовая обеспеченность и защита от нищей старости. Первые годы самостоятельной жизни оставили тяжелые воспоминания, которые иногда захлестывали ее: вот она, девятнадцатилетняя студентка, стоит в туалете старого корпуса института, записывая под юбку жгуты, скрученные из салфеток, — нужно поделиться тампонами с Ясмин. Отстирывает добела лифчик, чтобы Ясмин не догадалась, что он куплен в секонд-хенде. Лейла поклялась себе, что никогда не вернется в затягивающее болото бедности. Именно поэтому она работала днями и ночами как проклятая. Сделка с банком «Мерсерз» сулила отличный результат. Лейла даже смирила гордыню и доверила Роберту проводить все встречи, зная,

что он — белый мужчина из сливок лондонского общества — по умолчанию имеет больше шансов. Ей оставалось только сидеть в офисе и ждать, принесут ли ее усилия плоды.

Осушив стакан, Лейла успела сполоснуть его и поставить на полку, когда завибрировал телефон, лежащий на кухонной стойке. С тревогой она увидела, что звонит Эндрю: супруг Ясмин почти никогда не звонил ей.

— Лейла, ты дома? — Голос у зятя был беспокойный.

— Да. Что случилось?

— Слушай, мне очень неудобно, но сейчас позвонили из офиса: у нас полетела вся сеть. Нужно срочно ехать в серверную. Ты не сможешь закинуть Макса в детский сад? Тебе почти по пути.

Лейла не успела взглянуть на часы, но по извечной привычке ответила:

— Конечно.

— Ты всегда можешь отказаться, — добавил Эндрю, но в его голосе явственно проступало напряжение. Его работодатели, компания по предоставлению хостинга, уже закончила предыдущий год с убытками. Одна масштабная авария могла поставить крест на бизнесе.

— Буду через пять минут, — поспешно ответила Лейла.

— Прости, — пробормотал Эндрю, — я знаю, что мы стали твоей постоянной головной болью с тех пор, как переехали сюда.

— Ничуть! — возразила Лейла, хотя оба знали, что он прав. Со дня переезда Ясмин с мужем без конца просили ее помочь, как будто отсутствие у Лейлы своего ребенка означало, что у нее всегда найдется время на чужих детей.

Она порадовалась, что Уилл прошлой ночью уехал к себе. Хотя муж относился к Максусу с нежностью, он непременно разразился бы пламенным монологом о том, как Ясмин ее эксплуатирует, словно можно отказаться помогать сестре из голых принципов. Лейла подхватила пакет с туфлями, ключи, телефон и сумочку, после чего пошла к машине. Так рано, а она уже обливается потом от жары. Забравшись в свой скромный «мини-купер», она положила сумочку и туфли на пассажирское сиденье. Ей нравилось проезжать по уютным улочкам у площади Тредегара, нравилось жить здесь. Старый район был населен разношерстным народом, который достиг успеха сам: владельцы мелкого бизнеса, пара футболистов, актриса из комедийного шоу, популярного в девяностые. Ни капли снобизма, присущего аристократическим кварталам.

Вот и дом Эндрю, аккуратное здание с псевдоготическим фасадом и входом посередине. Муж Ясмин уже нервно расхаживал взад и вперед по дорожке перед домом.

— Как дела? — спросила Лейла, выходя из машины. Она припарковалась рядом с его «тойотой».

— Нормально, — ответил Эндрю, поправляя ботинком траву на газоне. — Прости, что я тебя в это впутываю.

— Все в порядке, — холодно ответила Лейла, взглянув на Макса. Ребенок спал в детском кресле, волосы прилипли к потному лбу. Она подняла сиденье с ребенком. Черная ручка оказалась горячей. Эндрю тут же забрал у нее груз, который в его мускулистых руках выглядел легким как пушинка. Поставив кресло на заднее сиденье, Эндрю не без труда закрепил его в скрытых пазах. Наклонившись, поцеловал сына в макушку, потом погладил по щеке.

— Сегодня очень жарко.

— Знаю, — кивнула Лейла. — Все будет в порядке.

Эндрю отступил от машины, наморщив лоб.

— Я разберусь, Эндрю. Езжай на работу.

— Лейла... — нерешительно начал зять.

— Я знаю. Тебе жаль. — Она легонько сжала его предплечье. — А теперь отправляйся на работу.

— Спасибо тебе.

Коротко кивнув, Лейла села в машину и тронулась с места. Казалось, Эндрю не очень торопится, провожая ее взглядом. Теперь — на юг, к ее офису в Кэнэри-Уорф, в лофте на территории бывшего судостроительного завода. Лейла выкрутила кондиционер на полную. Телефон зазвонил, когда она ехала по Бёрдетт-роуд. Лейла нажала на кнопку громкой связи на приборной доске, стараясь

не отрывать взгляда от дороги, хотя знала ее наизусть.

— Лейла? — На том конце воображаемого провода была Сьюки, ее личный ассистент в фирме «Саид и Гарднер». — У нас проблемы.

— Что стряслось?

— Роберт натворил дел. Ему уже пора выезжать на встречу с «Мерсерз», но он потерял эскизы.

— Что ты имеешь в виду? — сурово спросила Лейла. — Он их домой увез?

— Нет. Клянется, что оставлял их на своем столе, но там ничего нет.

— Значит, эскизы где-то в офисе.

— Мы уже везде посмотрели, — виновато ответила Сьюки.

Лейла взглянула на часы на приборной панели. Восемь минут девятого. Если Роберт не вылетит пробкой прямо сейчас, он опоздает на встречу.

— Слушай, у меня в кабинете есть пробные оттиски. Они не идеальны, но для этой встречи подойдут.

Голос Сьюки стал еще более тревожным.

— Но ваш кабинет закрыт, и никто не может найти запасной ключ.

— Инженеров здания спрашивали? — спокойно поинтересовалась Лейла.

— Мы им позвонили, но они обещают прийти не раньше чем через полчаса. Мы не успеваем.

— Может, сбегаешь через дорогу в копицентр?

— Он открывается в девять.

Лейла выругалась про себя и прикинула, сколько времени займут поиски.

— Хорошо, я буду через десять минут, и у Роберта останется полчаса, чтобы попасть на встречу. Проследи, чтобы его ждало такси и чтобы он собрал все необходимое.

— Хорошо, спасибо, — ответила девушка с облегчением. — Я ему скажу, что вы уже едете.

Лейла понеслась к бывшим верфям на пределе разрешенной скорости, задыхаясь от духоты. Через десять минут она заехала на частную парковку, надела туфли вместо тапок, схватила ключи и поспешила к офису.

Роберт вышел ей навстречу из своего кабинета:

— Лейла...

— Не сейчас, — она подняла ладонь. — Тебе пора на встречу.

Она отперла свою дверь и начала рыться в стопке распечаток и папок. Вот они, три чертежа. Лейла протянула Роберту бумаги и свой айпад.

— Помнится, они требовали бумажные копии, но ты по крайней мере сможешь показать им с экрана последнюю версию. Не забудь сообщить, что мы избавились от портика.

— Я готов поклясться, что они лежали у меня на столе...

— Отлично, — Лейла вытолкала его за дверь, — давай быстрее. Удачи там! — крикнула она вдогонку, пока Роберт ожидал лифта. Тот обернулся, на прощание одарив своего делового партнера

фирменной улыбкой Гарднера: Фрэнк Синатра пополам с парламентским деятелем.

— Поторопись! — добавила Лейла, когда лифт пискнул и открыл двери. Вернувшись в свой кабинет, она рухнула на кожаный диван, ощущая дрожь от зашкаливающего адреналина. «Все будет в порядке», — твердила она про себя. Бесконечные авралы и жертвы, бессонные ночи и чудеса планирования — все это не пойдет прахом. Лейла положила ладонь на холодную кожаную обивку, будто в поисках опоры. Спасательный круг в бушующем море. В тишине громко тикали огромные настенные часы, их равномерный ход действовал успокаивающе. Через минуту Лейла встала, снова надевая маску спокойствия и беспристрастности.

В дверь постучали.

— Кофе? — Сьюки вошла с фарфоровой чашкой с эмблемой «Саид и Гарднер» на белом боку.

— Ты лучше всех! — Лейла с благодарностью приняла из рук девушки чашку с блюдцем, поставив напиток на стол, а потом, включив на полную мощность комнатный вентилятор, приступила к рабочим обязанностям.

Глава 2

Лейла разминала пальцами кожу между бровями. Головная боль никак не уходила. Она могла длиться часами, от нее слезились глаза и набухали веки. Лейла посмотрела на часы, точно зная, что времени пообедать у нее не будет. Часы показывали 11:25. Она собрала бумаги, разбросанные по длинному столу в переговорной, и на несколько секунд задержала взгляд на окне, через которое виднелось здание напротив — громоздкое скопление brutальных форм, которые Лейла втайне обожала. Время от времени она предавалась фантазиям, наткнувшись на какое-нибудь необычное здание, — бродила по коридорам, любовалась массивными цоколями, рассматривала высокие диоклетиановы окна¹. Год назад на нее наорал охранник консульства Зимбабве, куда она проникла, чтобы хорошенько разглядеть оконные рамы. Обычно серьезная и прямолинейная, Лейла поспешила сымитировать свою младшую сестру: растерянное личико, взлетающие ресницы, голос повыше, изображающий

¹ Большие полуциркульные окна с двумя вертикальными перемычками, ведущие историю от терм Диоклетиана. — *Здесь и далее примеч. пер.*

величайшее изумление. Женская магия подействовала моментально: охранник расплылся в благожелательной улыбке и мягко проводил незадачливую гостью к выходу с ведомственной территории. Лейла была поражена, насколько безотказно работает этот глупейший прием. Сейчас она улыбнулась случайному воспоминанию, складывая документы в аккуратную стопку.

Вернувшись в кабинет, Лейла обнаружила возле рабочей клавиатуры бутерброд, зерновой батончик и стакан со свежавыжатым соком.

— Я тебя не заслуживаю, Сьюки! — крикнула она через открытую дверь, и ассистентка улыбнулась ей из-за своего стола.

Лейла аккуратно развернула сэндвич и вонзила зубы в белоснежный хлеб, и тут телефон стал настойчиво вибрировать. Поспешно прожевав кусок, Лейла сняла трубку.

Это был Эндрю, который с тревогой сообщил:

— Лейла, мне звонили из детского сада. Его сегодня нет на занятиях.

Ей потребовалось мгновение, чтобы осознать его слова, — а потом они рухнули на Лейлу всем жутким весом. Участвовавший пульс гулко заухал в висках, сердце стучало как сумасшедшее.

— Лейла? — Голос у Эндрю сорвался, будто предчувствовал страшную новость. — Где Макс?

Лейла не ответила. Она молча встала с кресла и покинула кабинет, словно в состоянии транса. Голос Эндрю раздавался из трубки, которую она

сжимала в руках, передавая его растущую панику. Лейла подошла к лифту. Она не произнесла ни звука в ужасе от кошмарной догадки. Нажала на кнопку первого этажа, чувствуя, как нарастает пульсирующий шум в ушах. Прошла по фойе, отметив, как гулко цокают каблуки по лакированному полу. Только воочию увидев, как ее машина жарится на открытом прямоугольнике асфальта, Лейла жалобно взвыла. Даже от дверей здания был виден маленький уголок голубого одеяльца. Оно напоминало циновку нищего, просящего милостыни на улице.

В ужасе Лейла сделала пару шагов назад, будто пытаясь разубедить себя в реальности происходящего, защититься, очнуться от страшного морока. Собравшись с духом, она подошла к машине и открыла дверь. И тогда, увидев безжизненное тело Макса, Лейла закричала. Закричала дико, протяжно, будто раненое животное. Это был не только крик ужаса, но и мольба о помощи, потому что в одиночку она не могла этого пережить. Не могла справиться с увиденным.

К ней подбежал охранник из здания, увидел ребенка и оттолкнул Лейлу в сторону. Крикнув напарнику, чтобы тот вызвал скорую, попытался привести мальчика в чувство. Лейла наблюдала за происходящим затуманенным взглядом, будто ей закрыли глаза марлей. Но каждая деталь, каждая мелочь ярко врезалась в память. Прядь волос, прилипшая ко лбу Макса, озерцо пота, глубокий голос